

Олег Овчинников

Педант



Олег Овчинников

Педант

«Автор»

2006

Овчинников О. В.

Педант / О. В. Овчинников — «Автор», 2006

Иногда при контакте с могущественнейшими инопланетянами главным нужным качеством оказывается педантичность. Причем та, что свойственна в первую очередь маленьким детям...

© Овчинников О. В., 2006

© Автор, 2006

Олег Овчинников

Педант

– Простите, вы – русский? – раздалось за спиной.

– Да, и горжусь этим, – ответил я, затем медленно, с достоинством обернулся и улыбнулся через силу – наверное, в двухсотый раз за последние сутки.

Однако моей соотечественнице, девушке лет двадцати пяти в бежевом сарафане и плетеных босоножках на платформе, похоже, было не до шуток. Она лавировала в толпе, распределяя свое внимание между ребенком, которого одной рукой прижимала к груди, спадающей с плеча лямкой сарафана и большим чемоданом, который волочился за ней, упираясь в пол колесиками и цепляя раздутыми боками нерасторопных посетителей аэропорта.

– Очень хорошо. – Девушка остановилась в двух шагах от меня, приставила чемодан к ноге и сдула челку со лба. Потом поправила непослушную лямку, которая переплелась с ремешком наплечной сумочки и поудобнее перехватила ребенка. – А то эти туземцы...

Она покачала головой и – о, чудо! – моя двухсотая на сегодня улыбка из дежурной превратилась в совершенно искреннюю. Туземцы – именно так. Пусть ни я, ни мои коллеги под страхом немедленного увольнения никогда не произнесут этого слова в официальной обстановке, но про себя... и между собой...

– Это же здесь регистрируют на Москву?

Я посмотрел в глаза девушки и подумал, что ей, наверное, двадцать четыре. Просто она устала.

– Да. Правда, регистрация еще не началась.

– Жарко... – Девушка помахала перед лицом конвертом с билетами, и я мысленно вычел из предполагаемого возраста еще год. Просто вдобавок к усталости она не выпалась. Или это я проецирую собственное состояние на окружающих? – Почему они не включают кондиционер?

– Здесь всегда так, – авторитетно заявил я. – Климат-контроль есть только в зале прилета. С отлетающими особо не церемонятся. Наверное, чтобы расставаться было не так грустно. Вы хорошо отдохнули?

– Ничего... Правда, Тимош? – Она посмотрела на ребенка и наморщила нос, передразнивая. Девушка двадцати двух лет, которая устала, не выпалась и страдает от жары. – Покажи дяде, как водопад шумит?

Ребенок, до этого осоловело глядящий по сторонам, нахмурился и замычал:

– У-у-у-у!

– А вы? – спросила довольная мама. – Хорошо отдохнули?

– Увы... – Я усмехнулся в меру снисходительно, в меру устало. – Мне было не до отдыха. Кстати, как вы догадались, что я из России?

Действительно, упирающаяся в регистрационную стойку очередь только на две трети состояла из туземцев. Были здесь и европейцы, преимущественно шведы и немцы, путь которых, по всей видимости, обрывался во Франкфурте-на-Майне, где нашему самолету предстояло совершить промежуточную посадку.

– Да как-то... – Девушка пожалала плечом, с которого немедленно соскользнула лямка. – Наверное, что-то в одежде и... – Она провела ладонью по подбородку, намекая на мою суточную щетину. Не самый приятный намек.

Двадцать пять, определился я. Она устала, не выпалась, и ей двадцать пять.

А повисший на ее шее карапуз снова подал голос.

– Ух! – сказал он и вытянул пухлую ручонку, указывая куда-то вниз.

– Тимоша! – с укором произнесла молодая мама, но ребенок не унимался.

– Ух! Ух! – все повторял он и тянулся своими крошечными, словно игрушечными, пальчиками, привлеченный то ли блеском моих ботинок, то ли стрелками на брюках.

– Что он говорит? – с улыбкой спросил я.

– «Ух» значит «грязное», – перевела мама и улыбнулась в ответ, как будто извиняясь.

Я опустил глаза и увидел на правой штанине, пониже колена, небольшое пятно. На левой было такое же, плюс умеренная помятость. Ну конечно, сафари на слониках! – обреченно подумал я и наклонился, чтобы хоть немного привести себя в порядок.

– Только, пожалуйста, не обижайтесь на Тимку. Дети в этом возрасте... – начала было мамаша. Сама она при взгляде снизу вверх выглядела на все двадцать семь!

– Ничего, – буркнул я, затем выпрямился и встал лицом к стойке. Тем более что очередь передо мной заколыхалась и зашаркала, что означало начало регистрации.

«Что-то в одежде!» – негодовал я. Выдернули посреди ночи, дали три минуты на сборы. Хорошо, что дежурный костюм всегда наготове, а так – без вещей, без любимой бритвы... Выручай, Вадим Борисыч, не справляемся! Переговоры зашли в тупик. А Вадим Борисыч и рад стараться! Запрыгнул в машину и всю дорогу до аэропорта изучал досье на клиента, хотя с первого взгляда на фото – не разберешь, цветное или черно-белое, – стало ясно, с кем придется иметь дело. Чиновник средней руки, из бывших международных, по одним коридорам институтским мыкались, правда, этот на два года позже поступил, но уж за пивом в «стекляшке» точно в одной очереди стояли. Небось, тихим тогда был, покладистым, чужие слова старательно коверкал, а вот вернулся на родину – и куда что подевалось! Почувствовал себя то ли царьком, то ли божком. К такому с серебряным «Паркером» подходи. И с платиновым «Монбланом» не подходи. Тут требуется средство убеждения позавлекательнее. Хорошо, что подходцы к таким типам в корпусе давно отработаны, а в средствах Вадим Борисыча попросили не стесняться. Надо было видеть, с каким постным лицом этот чинуша встретил нового переговорщика. Уж он и зевал, и мух считал на подоконнике, но едва Вадим Борисыч достал из сумки автомат Калашникова, расцвел, точно майская роза. Взглянул на герб родной страны над столом, потом опять на автомат и заметил разительное сходство. Погладил приклад резного дерева с алмазной инкрустацией – ноу-хау питерских физиков, пусть камни и синтетические, зато каждый размером с бог знает чье яйцо – поцокал языком, заулыбался. И тут же пригласил дорогого гостя прокатиться на слониках. Что характерно, по-русски пригласил. Ему, видишь ли, наемни как раз подарили двоих – диких, необъезженных. Туземец, что с него возьмешь! И Вадим Борисыч согласился. Только мягко настоял на том, чтобы сначала подписать кое-какие бумаги. Чтобы потом не отвлекаться. Так что не надо...

Тут мое внимание наконец привлек странный повторяющийся звук, вот уже пару минут доносящийся сзади. Я оглянулся и увидел, что Тимошка и его мама придумали себе новое развлечение. Тимка расстегивал молнию на сумочке, мама клала в нее конверт с билетами, Тимка закрывал сумку, мама, косясь мне в затылок, говорила «Ой, где билетики?», Тимка снова открывал, мама доставала конверт, и все повторялось сначала без надежды на счастливый конец.

– Все, хватит! – сказал я, пронаблюдав эту сцену трижды, и решительно положил руку на молнию.

Тимка настороженно посмотрел на меня. В блестящих кукольных глазах я прочел осуждение. Почему незнакомый дядя прервал такую увлекательную игру?

Подумалось вдруг: какого черта я сержусь на них? Пусть костюм немного пострадал, а голова до сих пор слегка кружится – то ли от катания на слоненке, то ли от обильных напитков, вспоминать о которых в такую жару было сущим мучением. Зато эти двое, как и прочие соотечественники, еще три года смогут путешествовать в страну слонов и водопадов по упрощенной визовой системе.

– Ладно... – Я усмехнулся и убрал руку.

Малыш немедленно расстегнул молнию, мама достала конверт, и цикл повторился еще раз, с той разницей, что теперь, застегнув молнию, Тимоша опять посмотрел на меня. Очень серьезно и, как мне показалось, требовательно.

– Чего он хочет? – спросил я, еще не понимая, на что себя обрек.

– Ему нужна ваша рука, – девушка со вздохом закатила глаза. Довольно красивые, между прочим.

– Только рука? И все?

– Нет. Еще вы должны сказать «Все, хватит». Иначе он не успокоится, – улыбнулась она. Я накрыл молнию рукой и сказал:

– Ну все, хватит! Так?

Мама и сын кивнули одновременно.

Пока подошла наша очередь на регистрацию, мне пришлось повторить эту фразу восемнадцать раз.

Заняв свое место в салоне, я сразу же установил спинку кресла вертикально, пристегнулся ремнем и поднял до упора козырек пластиковой шторы, хотя хотелось как раз обратного: откинуться, расслабиться и спрятаться от льющего в иллюминатор солнечного света. Зато теперь даже самая придирчивая стюардесса не смогла бы меня ни в чем упрекнуть, так что я имел полное право подремать, не дожидаясь взлета, и намеревался этим правом воспользоваться. Господи, какое счастье! – подумал я, закрывая глаза. Тихое шипение прокачиваемого перед взлетом кондиционера убаюкивало.

Однако наслаждаться комфортом, пусть минимальным, мне пришлось недолго.

– Видишь, какие окошки? Круглые окошки! – услышал я за спиной знакомый голос и внутренне подобрался. – Сейчас Тимоша сядет к окошку и полетит домой. Да? Как самолет гудит?

Тимоша с удовольствием замычал, и я узнал, что самолет гудит примерно так же, как шумит водопад. А еще – понял, что выспаться этим утром мне, похоже, не суждено. Некоторое время в душе еще теплилась надежда, что знакомая пара пройдет мимо, но вскоре истаяла и она.

– Извините, вы не могли бы... – раздавалось над ухом. – Ой, это вы?

– Да, это я. – Я открыл глаза и поморщился – надеюсь, со стороны казалось, что от солнца. – Вам, наверное, нужно место у окна?

– Если вы не против. Правда же, странно, что мы с вами...

– Ничего странного. Мы же регистрировались вместе. Теперь вместе летим, – сказал я, пряча в голосе тоску о шести часах полета, на которые возлагал большие надежды. Место у иллюминатора я уступил с легким сердцем, все равно вид из него открывался не лучший. Можно сказать, никакой.

Дождавшись, пока новые соседи усядутся, я занял кресло у прохода и закрыл глаза в надежде урвать хотя бы пару минут блаженного беспамятства.

– Тише, Тимоша, видишь, дядя спит. – Девушка перешла на шепот, который был лишь самую малость тише обычной речи, но раздражал почему-то даже больше. – А мы сейчас тихонечко посидим, посмотрим в окошечко... Что там? У-у!.. – Спустя секунду разочарование сменилось деланным восторгом. – О-о! Смотри, Тимоша, крыло! Как самолет крылышками машет?

– У-у-у-у! – сказал Тимоша, а одно из «крыльев» задело кончик моего носа.

– Ой, извините! Мы больше не будем. Тише, тише, Тимка, все! Давай лучше книжечку почитаем. Какую ты хочешь?

Ребенок что-то мяукнул, и, уж не знаю по каким признакам, но мама распознала в мяуканье «Колобка».

Кстати, конец у сказки оказался совсем не таким, какой мне запомнился с детства. В новом варианте Колобку удалось скрыться от лисы, оставив в ее пасти бог весть откуда взявшуюся палку. «А жаль, – подумал я, когда неугомонный кусок теста проделал эту операцию в четвертый или пятый раз. – Сожрала бы его, и дело с концом. А я бы немного поспал».

Наконец мама перестала читать и спросила:

– Хочешь сок? На. Вот трубочка.

Через две минуты, заполненные шелестом целлофана, я все-таки открыл глаза. Ребенок увлеченно возился с пакетиком, внутрь которого была запаяна пластиковая трубочка.

– Давай помогу, – вызвался я, отбирая у малыша пакетик. – Смотри, раз – и все. Держи свою трубочку.

Ребенок посмотрел на меня, как на убийцу Колобка, и, задрожав подбородком, отвернулся.

– Что же вы наделали! – вздохнула мама. – Он всегда достает трубочку сам. Надо было только надорвать пакетик.

– Извините, – пробормотал я. – Не знал.

– Ладно, ничего. – Она достала из сумки новый пакет яблочного сока с еще нетронутой трубочкой, которая была извлечена из целлофана по всем правилам.

Напившись, Тимка, к счастью, задремал. Мама подняла разделяющий их подлокотник и уложила голову ребенка себе на колени.

И все-таки, сколько ей, интересно? – пытался определить я, украдкой скашивая глаза. Узнать возраст ребенка было куда проще.

– Сколько вашему Тимоне? – спросил я вполголоса.

– Как вы его назвали? – неожиданно нахмурилась мама.

– Как и вы. – Я растерялся. – Тимоня.

– Только один человек называл Тимку так, – холодно сказала она, покачала головой – я с ужасом заметил, что ее подбородок тоже начинает дрожать – и ответила: – Полтора. Вернее, год и семь.

«Что за день! – подумал я. – Неловкость на неловкости!» И пролепетал:

– Простите, я вас, кажется, чем-то...

– А мне скоро двадцать один, – невпопад ответила она, глядя исподлобья, с вызовом, потом опустила глаза и неожиданно поведала мне историю своей жизни. Ничего особенного, ни слова сверх того, о чем и так можно было догадаться по блестящим карим глазам, по кругам вокруг них и по этому ее «скоро двадцать один», но я вдруг почувствовал, что не так уж сильно хочу спать.

– Что ж это я, – спохватилась в конце. – Тимку разбудим.

– Пусть поспит. – Я протянул руку, чтобы погладить кудрявую макушку мальчугана, но наткнулся на тонкие пальцы его мамы и снова пробормотал:

– Извините.

Она кивнула и отвернулась к иллюминатору, я – в другую сторону.

Она совсем не в моем вкусе, подумал я. Слишком усталая. Слишком вся в ребенке. Мать-одиночка, по совместительству – секретарь-референт в мини-турфирме. Нет, нет... Слишком много дефисов!

Но что-то было в ней. Я так и не понял что, ни тогда, ни сейчас.

Поэтому не стану кривить душой, утверждая, что от этого случайного прикосновения между нами пробежала искра, из которой возгорелось пламя, в конце концов поглотившее... и тому подобные банальности. Лучше смалодушничаю по примеру кинорежиссера, которому нужно показать жизнь героев в развитии, но жаль тратить экранное время на незначительные подробности. Возьму и напишу по-простому, огромными буквами во весь экран:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.